

UNITED WISDOM

Персефона: переход, утрата и несколько способов чтения

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-20-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Персефона: переход, утрата и несколько способов чтения

Эпиграф

Невольно.

«Гомеров гимн к Деметре», II, рассказ Персефоны, стихи 425–433; краткий фрагмент перевода Hugh G. Evelyn-White, 1914, собственный перевод с английского. Издание.

О чём эта статья

Представим условную сцену. Женщина разбирает чемодан после переезда и находит небольшую вещь из прежней квартиры. Новое место выбрано ею самой; работа интереснее, пространство удобнее. И всё же находка вызывает печаль. Знакомый предлагает красивое объяснение: это спуск Персефоны, после которого она станет другой. Образ может помочь, но может и торопить. Он уже назначил смысл, последовательность и счастливое окончание тому, что пока остаётся неоднозначным переживанием.

Персефона позволяет говорить о разрыве привычного мира, связи с отсутствующим, возвращении и новой роли. Однако конкретный античный текст не рассказывает о любом жизненном переходе. В нём есть похищение, решение более сильных богов и голос того, кого уводят. Если оставить только красивую смену сезонов, можно потерять эти различия. Эта статья предлагает несколько ограниченных способов чтения: литературный, сезонный, этический и современный личный. Мы проследим, что каждый из них замечает, что оставляет за рамкой и когда символ начинает навязывать человеку чужую историю вместо помощи в понимании собственной.

I. Переход может быть выбранным и навязанным

Не всякое изменение является собственным шагом человека. Переезд по желанию, потеря жилья, расставание по взаимному решению и внезапное исчезновение близкого способны нарушить привычную жизнь, но различаются по возможности выбора. Общий образ перехода не должен стирать эту разницу. Она влияет на задачу: одному нужно обжить выбранное место, другому — восстановить доступ к необходимому, третьему — разобраться с незавершёнными отношениями. Назвать всё одинаковым внутренним взрослением значит слишком рано исключить реальные обстоятельства из рассмотрения.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В выбранных фрагментах «Гомерова гимна к Деметре» Персефону уводит Аид с разрешения Зевса; она зовёт мать. Это повествование о богах, не клиническое описание переживания. Для нашего чтения важно прежде всего, что согласие более сильного участника не тождественно согласию самой дочери. Современное этическое различение здесь принадлежит нашей статье. Мы не выдаём его за единственную историческую функцию гимна. Оно помогает не превращать любой разрыв прежней жизни в добровольно выбранное приключение.

В условной современной сцене компания переводит сотрудницу в другой город. Формально ей предложены условия, однако отказ связан с потерей нужного дохода. Называть это свободным выбором без обсуждения ограничений было бы неточно. И всё же объявить её полностью лишённой действия тоже может оказаться неверным: остаются вопросы о сроке, жилье, помощи, переговорах и допустимом риске. Символическая история не должна заранее определить меру свободы. Её требуется установить по доступным вариантам и последствиям каждого из них.

Для читателя это первый способ обращения с образом. Прежде чем искать, каким человеком он станет после перехода, можно спросить, как переход вообще произошёл. Какие решения были его собственными, какие приняты другими, какие ещё открыты? Эти вопросы не отменяют внутреннего опыта, но возвращают ему место в обстоятельствах. При выбранном изменении печаль допустима. При навязанном изменении последующее приобретение опыта не делает исходное принуждение правильным. Разные ответы сохраняют достоинство человека, не заставляя его ни романтизировать случившееся, ни отказаться от собственного будущего.

II. Вещь из прошлого не обязана быть тайным знаком

Вернёмся к условному чемодану. Найденная вещь может напоминать о комнате, человеке, привычном маршруте или о версии собственной жизни, которая больше не существует. Иногда её хочется оставить, иногда убрать, иногда пока невозможно решить. Для этого не требуется словарь символов, в котором каждый предмет имеет окончательное значение. Вопрос о значении можно адресовать самому переживающему: с чем связана именно эта находка сейчас? Ответ принадлежит конкретной истории и может измениться, когда человек лучше поймёт, по чему он скучает.

В античном повествовании предмет способен иметь заданные сюжетом последствия. В современной жизни такое действие нельзя автоматически приписывать похожему предмету. Если читатель выбирает гранат как личный образ связи с отсутствующим, это его метафора, а не восстановление закона судьбы. Не каждый символ является предсказанием. Разница существенна: метафору можно обсудить, изменить или убрать;

предсказание склонно ограничивать варианты ещё до рассмотрения фактов. Уважение к мифу не требует передавать ему управление бытовыми решениями или считать совпадение предметов доказательством скрытого устройства событий.

Представим ещё одну условную сцену. Человек сохраняет ключ от старой квартиры и замечает, что каждый раз, увидев его, начинает сравнивать прошлое с настоящим. Можно проверить, помогает ли ключ удерживать важное воспоминание или преимущественно поддерживает невозможность обжить новое место. Один и тот же предмет способен выполнять разные работы. Решение не обязано быть торжественным: положить его в отдельную коробку, сфотографировать, оставить рядом или ничего пока не менять. Ни один вариант не доказывает зрелость сам по себе.

Иногда нам хочется, чтобы вещь сказала то, чего мы ещё не готовы назвать. Тогда полезно отличить неопределённость от послания. Можно сказать, что находка вызывает сильное чувство и его смысл пока неясен. Этого достаточно для начала размышления. Не требуется немедленно объяснять печаль отсутствием закрытого этапа или объявлять предмет препятствием развитию. Образ становится точнее, когда к нему прибавляется контекст: какой момент вспоминается, что действительно потеряно, какая связь остаётся возможной и какой вопрос требует собственного решения, а не толкования знака.

III. У разрыва бывает несколько участников

История перехода не всегда принадлежит только уходящему. При переезде меняются условия общения с теми, кто остаётся. При смене работы перестраиваются отношения команды. При самостоятельном выборе взрослого ребёнка родители также переживают изменение привычной роли. Это не означает равенства всех потерь и не предоставляет окружающим право запрещать чужое решение. Но позволяет заметить, что разные участники могут рассказывать об одном событии как о разных событиях. Полезность символического чтения зависит и от того, чей голос оно сохраняет.

Образ Деметры предлагает обратить внимание на сторону остающегося. Однако современную мать нельзя заранее назвать Деметрой, а дочь — Персефоной. Такой способ распределить роли может закрепить исходный конфликт: одному назначается охранять, другому — уходить. Между тем реальная задача бывает иной. Например, взрослый ребёнок хочет меньше ежедневных звонков, а мать хочет знать, что он в безопасности. Если обсуждать только разрыв пуповины или власть матери, можно не заметить доступную договорённость о связи. Миф поднимает вопрос; ответы требуют современного контекста.

В условной сцене дочь сообщает, что будет созваниваться два раза в неделю, а не каждый вечер. Мать слышит в этом потерю близости. Дочь слышит в возражении отказ

признать её самостоятельность. Их описания не обязаны полностью совпасть. Можно уточнить, какое именно содержание важно каждой: возможность обратиться за помощью, участие в жизни, предсказуемость контакта, время без объяснений. Тогда обсуждается форма связи, а не победа одной роли над другой. Отсутствие ежедневного звонка не доказывает отсутствия любви; любовь не устанавливает обязательную частоту звонков.

Есть предел и у такого разговора. Если просьба об автономии встречается угрозой, обычный поиск договорённости может оказаться недостаточным или недоступным. Статья не объявляет взаимное понимание гарантированным результатом. Она сохраняет более узкое различение: можно видеть переживание другого, не отдавая ему право назначать все условия собственной жизни. Можно защищать самостоятельность, не утверждая, что другой ничего не потерял. Эти две возможности существуют одновременно. Такое двойное внимание делает образ сложнее и поэтому полезнее, чем заранее написанный рассказ о правильном отделении.

IV. Сезонный образ задаёт ритм, но не срок

Сезонное чтение мифа привлекательно тем, что придаёт изменению форму: отсутствие, возвращение, новый круг. Оно может помочь выдержать мысль, что нынешний способ жизни не единственный возможный. Но природный цикл и личный переход имеют разные свойства. Весна в календаре не обязует человека к определённой степени восстановления. Работа, отношения и память не подчиняются одному расписанию. Если аналогия превращается в срок, по истечении которого нужно стать обновлённым, символическая поддержка становится ещё одним требованием, которому человек должен соответствовать.

В условном примере после переезда проходят три месяца. Человек уже знает новый район и справляется с бытовыми задачами, но всё ещё скучает по вечерам на прежней кухне. Окружающим кажется, что адаптация закончена. Его собственный опыт не укладывается в эту форму. Можно назвать отдельно навыки, которые освоены, и связи, которых недостаёт. Тогда прогресс в одной области не превращается в приказ перестать чувствовать другое. Это редакционное различение масштабов, а не установленная научная норма сроков адаптации.

У сезонной метафоры есть и другая граница: не всё возвращается. Иногда исчезает конкретная возможность, человек, место или здоровье прежнего периода. Будущее может быть содержательным, но это не означает возврата той же жизни. Поэтому обещание весны требует осторожности. Оно может обозначать открытость новым событиям, если читатель так его понимает. Оно не должно обещать компенсацию всякой

утраты или объяснять, почему утрата была необходима. Возможность продолжать и признание невозвратимого не обязаны конкурировать за право называться правдой.

Можно оставить сезонному образу более ограниченную работу. Он помогает спросить, что сегодня требует внимания, а что допускает временный покой. Что поддерживает жизнь в текущих условиях? Какая задача открыта сейчас, а какая остаётся без ответа? Здесь нет требования искусственно чередовать грусть и активность по графику. Иногда нужно просто закончить бытовое дело, иногда — поговорить о прошлом, иногда — не искать символического объяснения вовсе. Образ полезен настолько, насколько помогает увидеть доступный ритм, не назначая универсальный календарь внутренней жизни.

V. Разные версии не складываются в одну биографию

Миф существует в конкретных рассказах, а не только в нашем знакомстве с именем персонажа. Детали одного текста нельзя незаметно перенести в другой, чтобы получить наиболее удобную историю. В пятой книге «Метаморфоз» Овидия, в выбранном эпизоде Прозерпины, нимфа Киана (Cyane в переводе Райли) пытается остановить похитителя. Она возражает против насильственного способа союза. Это отдельная литературная версия, а не забытая реплика из гомеровского гимна.

Точность имени здесь нужна не ради экзамена по античности. Если мы соединяем элементы разных версий без объяснения, читатель уже не может проверить, откуда взялось наше толкование. Получившаяся история может быть убедительной, но её убедительность будет частично произведена самим отбором. Иногда такое соединение допустимо как явно объявленная авторская композиция. Для исследовательской статьи требуется назвать, где кончается пересказ текста и начинается предлагаемая комбинация. Одинаковые божества в разных произведениях не создают одну неизменную систему подробностей и акцентов.

В личном применении возникает похожая проблема. Человек выбирает из нескольких жизненных воспоминаний только те, которые хорошо отвечают образу вынужденного спуска. Всё удачное и самостоятельно выбранное остаётся за кадром. Или наоборот: рассказ о взрослении убирает действия других, которые причинили реальный вред. Оба отбора способны придать историю завершённый вид. Поэтому полезно сохранить хотя бы один неудобный для выбранного чтения эпизод. Это не требует уравнять добро и зло. Контрпример помогает увидеть, насколько точно образ описывает именно этот переход.

Если две версии не согласуются, не всегда нужно немедленно выбирать победителя. Можно различить их задачи. Одна помогает назвать потерю контроля, другая — сохраняющуюся связь, третья — новый доступный шаг. Но нельзя позволить одной задаче отменить другую: новый шаг не доказывает добровольности прошлого, память не

предписывает отказаться от настоящего, новое имя роли не устанавливает диагноз. Множественность чтений становится рабочей, когда каждое сохраняет собственную область и границу. Иначе она превращается в способ подобрать любую историю под уже принятое объяснение.

VI. Утрата и новые дела могут занимать разное время

Современный разговор об утрате тоже предлагает модели, но их следует читать в собственном масштабе. В abstract статьи Margaret Stroebe и Henk Schut 1999 года представлен подход, различающий задачи, связанные с потерей, и задачи восстановления повседневной жизни, с движением между ними. Прочитана аннотация, не вся статья. Это теоретическая модель совладания с утратой вследствие смерти, не исследование Персефоны и не установленный порядок любого переезда. Дальнейшие бытовые примеры в нашем тексте являются ограниченным редакционным применением различения.

В условной сцене человек утром занимается документами, а вечером не может смотреть на фотографии прежнего дома. Было бы неточно по одному из этих эпизодов объявить всё его состояние. Способность выполнить действие не доказывает отсутствие печали. Печаль не доказывает неспособность решить следующую конкретную задачу. При этом мы не назначаем движение между двумя видами внимания обязательной нормой. Если что-то недоступно, сначала важно увидеть обстоятельства и необходимую помощь, а не сообщить человеку, как правильно устроена его внутренняя работа.

Такое различение также не равно совету постоянно занимать себя. Иногда новая активность отвечает реальной потребности; иногда нужна пауза; иногда человек сам не знает, зачем он берётся за очередное дело. Решение можно обсуждать по его действию и последствиям. Помогло ли оно выполнить необходимое, поддержать связь, сохранить силы? Создало ли новое обязательство, с которым трудно справиться? Здесь не требуется единственный правильный мотив. Достаточно рассмотреть конкретное дело в масштабе текущего дня, оставляя более широкие переживания открытыми для дальнейшего понимания.

От мифа нас отделяет существенная граница. Боги в сюжете распоряжаются космическим порядком; современный человек решает задачи в определённой среде и не обладает такой властью. Ни состояние окружающего мира, ни чувства близких не следует объяснять его недостаточно завершённым гореванием. Модель и метафора могут предложить язык, но не выдают обязанность восстановиться ради общего благополучия. Поддержка становится конкретнее, когда вместо оценки этапа можно предложить понятную помощь: разобрать один документ, принести еду, посидеть рядом или оставить время без нового разговора.

VII. Новая роль не отменяет способа её получения

Человек может приобрести навыки и влияние после события, которого он не выбирал. Это возможно без признания самого события благом. Рассказ о развитии часто соединяет эти два вывода слишком быстро: раз результат важен, путь будто бы был необходим и потому оправдан. Однако полезное последствие не устанавливает правильность исходного действия. Для этического чтения Персефоны это различие существенно. Мы можем обсуждать новую роль персонажа, не превращая её в доказательство желательности принуждения и не назначая пострадавшему обязанность благодарить за приобретённую глубину.

В гимне Аид обещает Персефоне власть в своём царстве. Такая реплика существует внутри отношений богов и не отменяет голос уведённой дочери. В современном редакционном применении отсюда возникает вопрос: что именно человеку предлагают взамен утраченного выбора? Ответ не может состоять только в оценке привлекательности новой роли. Нужно также посмотреть на доступность отказа, условия участия и возможность пересмотреть договорённость. Это наше этическое различение, а не утверждение, что античный текст формулирует современную теорию согласия или трудовых отношений.

Представим условный семейный пример. Старшему ребёнку рано поручают заботу о младших. В зрелом возрасте он хорошо организует работу и быстро замечает чужие потребности. Эти способности можно признавать. Но из них не следует, что прежнее распределение ответственности было соразмерным. Одновременно можно ценить приобретённое и обсуждать цену. Если человек хочет пользоваться навыком сейчас, это не обязательно означает согласие с прошлым. Если хочет уменьшить привычную ответственность, это не обязательно отказ от своей сильной стороны. Задача состоит в выборе нынешнего объёма участия.

Образ новой власти особенно легко становится требованием к человеку выглядеть преобразившимся. Тогда трудный опыт разрешается предъявить лишь как источник мудрости. Незавершённая печаль, раздражение и отсутствие ясного смысла перестают помещаться в красивую историю. Между тем человеку не требуется доказывать пользу потери, чтобы иметь право на дальнейшую жизнь. Он может развивать новые возможности без окончательного ответа, зачем всё случилось. Содержательная история иногда остаётся с открытым концом. Это честнее, чем завершённый сюжет, в котором чужое действие автоматически оправдывается нашим последующим умением жить.

VIII. Возвращение может восстановить связь, но не прошлое

Воссоединение в литературном сюжете легко принять за отмену разрыва. Однако современное возвращение часто соединяет людей, которые уже жили раздельно и изменились в разных обстоятельствах. Даже если отношения сохраняют имя, их условия требуется узнавать заново. Дом может быть тем же, а работа, привычки, ожидания и доступное время — другими. Поэтому возвращение не всегда означает, что прежний порядок должен автоматически возобновиться. Иногда оно даёт возможность сохранить связь в форме, которую раньше невозможно было назвать или согласовать.

В условной сцене человек приезжает к родным после нескольких лет за границей. Семья рада и одновременно ожидает, что он снова займёт прежнее место в повседневности. Он рад и одновременно нуждается в другом расписании. Ни одна радость не отменяет необходимости говорить об этих различиях. Можно назвать, какое время действительно совместное, где нужна самостоятельность и какие обязательства каждый готов взять. Такая беседа может оказаться менее торжественной, чем обещание наконец вернуться домой. Зато она определяет, как возвращение будет выглядеть после праздничного вечера.

Память тоже не обязана восстанавливать прошлое целиком. Можно сохранить отдельный разговор, жест, рецепт, маршрут или язык, не объявляя прежнюю жизнь идеальной. И можно признать важность прошлого, не требуя от нового места быть его точной копией. Это разные способы продолжить связь. Когда они различены, выбор становится шире, чем оставить всё или выбросить всё. Сохранённая вещь может быть одним ограниченным знаком памяти, а не договором о вечной верности прежнему порядку. Здесь решение принадлежит человеку, не толкователю его символов.

Есть и возвращения, которые невозможны или нежелательны. Тогда право на связь может осуществляться иначе либо оставаться без выбранной формы. Нельзя обещать, что символическое упражнение заменит встречу, которой нет, или снимет реальные последствия утраты. Можно только исследовать, какое продолжение доступно сегодня. Иногда это разговор с живым участником; иногда — запись для себя; иногда — отсутствие действия. Осознанная пауза не обязана объясняться отказом от развития. Она может обозначать, что вопрос сохраняет значение, но решение пока не найдено или не требуется прямо сейчас.

IX. Образ полезен, пока допускает собственную историю

Вернёмся к найденной вещи. После чтения мифа она не получает окончательной расшифровки. Возможно, женщина поймёт, что скучает по определённому человеку, и позвонит ему. Возможно, заметит, что переезд решает рабочую задачу, но ещё не решает вопрос общения. Возможно, просто оставит вещь на полке. Все эти ответы могут относиться к её реальным обстоятельствам. Не нужно выбирать тот, который лучше воспроизводит сюжет Персефоны. Ценность образа состоит в появлении точного вопроса, а не в обязательном соответствии истории жизни литературной последовательности.

Несколько чтений позволяют проверить друг друга. Литературное возвращает конкретные слова и участников сюжета. Этическое спрашивает о выборе и цене, сохраняя голос уведённой. Сезонное позволяет подумать о ритме, но не назначает срок. Личное соотносит образ с собственным событием. Научная модель, если привлечена, требует отдельно установленного предмета и границ прочитанного. Эти перспективы не являются пятью одинаковыми доказательствами. Их полезность различна, а сочетание не превращает метафору в диагноз, исторический факт или гарантию восстановления.

Полезно заметить момент, когда символ перестаёт допускать возражение. Если любое сомнение объявляется сопротивлением переходу, всякая грусть — незавершённым спуском, а любой успех — доказательством правильности потери, выбранная история уже не проверяется. Человек должен согласиться с ней при любом результате. Можно вернуть вопросу рабочую форму: что именно образ помог увидеть, какое наблюдение не объясняет и какой вывод остаётся нашим предложением? Это позволяет сохранить важное узнавание, не отдав одной истории право устанавливать смысл всех дальнейших событий.

Такое обращение с мифом не лишает его глубины. Напротив, оно возвращает напряжение, которое исчезает в готовом рассказе об обновлении. Персефона, Деметра, Аид и Зевс не обязаны стать внутренними частями каждого современного человека. Они остаются участниками конкретного повествования, которое можно читать внимательно и применять ограниченно. В нашей условной сцене переход может быть одновременно правильным выбором и реальной потерей. Признание этой двойственности не требует победы одной стороны. Оно даёт место новой жизни, которая не обязана доказать, что старая была ненужной.

Что это значит на практике

Если образ Персефоны откликается, сначала назовите конкретное изменение. Уточните, что выбрано вами, что случилось без вашего выбора и какие вопросы ещё открыты. Затем отделите потерянное от нового: какие связи или возможности действительно исчезли, что сохраняется, чего вы пока не знаете. Не нужно назначать себе весь сюжет мифа или искать обязательный урок.

Можно выбрать один небольшой вопрос для сегодняшнего дня. Например, что поможет обжить новое место, какой контакт хочется сохранить или какое условие нового участия требует разговора. Ответ может быть действием, просьбой, паузой либо признанием недоступности решения. Оценивайте его по связи с реальной задачей, а не по сходству с литературной ролью.

Для разговора с другим человеком полезно спросить, нужен ли ему образ вообще. Возможно, он хочет рассказать о конкретной потере или получить бытовую помощь. Символическая глубина не делает такое желание менее содержательным. В начальной сцене достаточно разрешить женщине одновременно хотеть новую жизнь и скучать по прежней. Тогда вещь из чемодана перестаёт быть заданием на правильное преображение и становится частью истории, которую она ещё имеет право рассказывать сама.

Если вы предложили такое чтение близкому, оставьте ему возможность отказаться без объяснений. Согласие обсуждать миф сегодня не означает согласия на дальнейшее толкование его поведения. Можно позже вернуться к обычному разговору: что изменилось, чем помочь, какое решение принадлежит ему. Проверкой уважения здесь служит доступность отказа, а не красота найденной аналогии.

Ключевая цитата

> *Скажи мне правду.*

«Гомеров гимн к Деметре», II, обращение Деметры к Гелиосу, стихи 64–73; Hugh G. Evelyn-White, 1914, собственный русский перевод короткого фрагмента. Текст. Говорящий персонаж обозначен: это просьба Деметры о сведениях, а не универсальная авторская формула исцеления.

Связи между традициями

Чтение или сопоставление	Что помогает заметить	Где проходит граница
Гимн ↔ современное различение выбора	Важно сохранить голос того, чья жизнь меняется.	Современная этическая рамка предложена редакцией, не приписана древнему автору.
Гимн ↔ Овидиева Прозерпина	Сходные персонажи могут получить разные сюжетные акценты.	Киана принадлежит выбранному эпизоду Овидия; версии не сливаются.
Сезонный образ ↔ личный переход	Ритм может помочь назвать нынешнюю задачу.	Календарь природы не устанавливает срок восстановления человека.
Модель Stroebe–Schut ↔ редакционное размышление	Потеря и задачи повседневности могут рассматриваться отдельно.	Прочитан abstract о bereavement; перенос на переезд ограничен и не доказан.
Новая роль ↔ оценка прежнего события	Можно ценить приобретённое и признавать цену.	Полезное последствие не оправдывает принуждение.

Это карта ограниченных сравнений, а не утверждение согласия традиций, доказательство универсальной психологии или реконструкция всех исторических функций мифа.

Первоисточники

1. Homeric Hymn II to Demeter. Перевод Hugh G. Evelyn-White, Loeb Classical Library 57, 1914. Проверены сведения об издании и выбранные начало, разговор с Гелиосом, возвращение и заключительные переговоры. Не весь сборник и не полное историческое исследование мистерий.

2. Овидий. «Метаморфозы», V, эпизод Прозерпины и Кианы. Henry Thomas Riley, 1851, электронное издание на основе переизданий 1893/1899. Прочитаны выбранные фрагменты вокруг V.385–437. Комментарий переводчика не является словами античного повествователя; цитат из этой работы здесь нет.

3. Stroebe, M.; Schut, H. The dual process model of coping with bereavement: rationale and description. Death Studies 23(3), 1999, 197–224; DOI 10.1080/074811899201046. Прочитан PubMed abstract и библиографическая запись; full text, описанные там эмпирические работы и их результаты не проверены.

Международные права конкретных электронных копий не установлены: UNKNOWN. Project Gutenberg сообщает лицензию с территориальной оговоркой. Полные исходники не перепечатываются. Явно исключённые переводы Sujato/SuttaCentral не использованы.

Теги

Персефона, Деметра, Аид, Зевс, Гелиос, Киана, Прозерпина, гомеров гимн, Овидий, миф, переход, утрата, выбор, принуждение, согласие, автономия, сезонная метафора, память, возвращение, роль, границы, интерпретация, варианты текста, Stroebe, Schut, bereavement, abstract, UNKNOWN, условная сцена, личная история

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.